

dtv

Dieses Buch enthält – in russisch-deutschem Paralleldruck – sieben kurze Erzählungen, die zwischen 1956 und 1992 in Russland geschrieben worden sind. Sie haben nicht – oder kaum – «Geschichte gemacht», aber jede von ihnen bezeichnet etwas von der inner-russischen Geschichte dieser Jahre:

- Eine bisher grimmig pflichtbewusste Raumpflegerin probt vorsichtig den Aufstand.
- Ein Schach-Großmeister wird durch eine Tätowierung am Arm seines Gegners unheimlich (surrealistisch) verstört.
- In einem Wohnblock versucht jemand ein sanftes Abweichen von der Norm, noch zu früh.
- Ein kranker Gulag-Freigänger erlebt (realistisch) einen Fall von höherer Gerechtigkeit.
- Eine moderne Frau erteilt einer rückständigen eine Basis-Lektion in Literatur, komisch und rührend.
- Ein Träumer erlebt eine sozialistisch-bürokratische Walpurgisnacht.
- Eine geduldig gemachte Großstadt-Bevölkerung meistert mit Galgenhumor die noch-nicht-enden-wollende Armut.

Auf der letzten Seite des Buches werden die Eckdaten der russischen Wende rekapituliert.

СВЕТ В ОКНЕ

Рассказы с середины 50-х до начала 90-х годов

LICHT IM FENSTER

Russische Erzählungen

von Mitte der fünfziger bis Anfang der neunziger Jahre

Auswahl und Übersetzung von Margret Fieseler

Deutscher Taschenbuch Verlag

dtv zweisprachig
Begründet von Kristof Wachinger-Langewiesche

1. Auflage 2004. 2. Auflage August 2008

Die Erzählungen standen früher in den dtv-Bänden 9342 und 9366.

Für diese Neuauflage wurde die Übersetzung durchgesehen.

Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH Co. KG, München

Copyright-Nachweise Seite 201 ff.

Umschlagkonzept: Balk & Brumshagen

Umschlagbild: «Geige» von Kusma Petrow-Wodkin (1878–1939)

Satz: KOMDATA, Wachtendonk

Gesamtherstellung: Kösel, Krugzell

Gedruckt auf säurefreiem, chlorfrei gebleichtem Papier

Printed in Germany · ISBN 978-3-423-09441-2

Юрий Нагибин: Свет в окне 6
Jurij Nagibin: Licht im Fenster 7

Василий Аксёнов: Победа 30
Wassilij Aksjonow: Der Sieg 31

Юрий Трифонов: Голубиная гibelь 48
Jurij Trifonow: Das Ende der Tauben 49

Александр Солженицын: Правая кисть 84
Alexander Solschenizyn: Die rechte Hand 85

И. Грекова: «Скрипка Ротшильда» 112
I. Grekowa: «Rothschilds Geige» 113

Валерий Попов: Сны на верхней полке 146
Walerij Popow: Träume auf der oberen Pritsche 147

Марк Харитонов: Очередь 172
Mark Charitonow: Die Schlange 173

Anmerkungen, Bio-bibliographische Notizen 201

В концѣ мѣрта провалился мосток чѣрез глубокую бѣлку, отдѣлявшую дом отдыха от шоссе. А тут ещё вскрылась река, сломав ледяную дорогу – последнюю связь с миром. Снабжение дома отдыха прекратилось. Несколько дней продержались на запасах, но затем и они иссякли. В кладовых осталось немного консервов, сахара, растительного масла и сухих овощей. И тогда директор Василий Петрович решил зарезать собственную свинью, чтобы накормить отдыхающих.

Свинью резал сам шеф-повар, пожилой, крепкий, как железо, человек из фронтовых поваров, а Василий Петрович помогал. Это оказалось непростым делом. Огромная, неповоротливая, раскормленная до двенадцати пудов жирными, тёплыми кухонными помоями, Машка птицей взвилась в своём закутке, когда резаки переступили порог хлева. Она, видимо, догадалась, зачѣм к ней пришли, хотя шеф прятал ножи за спиной. Стоило огромных трудов её повалить. Василий Петрович и шеф поочередно и враз распластывались на грязных досках пола, пытаясь поймать Машку за ноги. Но с ловкостью, порождённой страхом смерти, грузная, почти ослепшая от жира свинья выскальзывала из цепких рук и с надсадным визгом металась по закутку. Наконѣц, удалось завалить её на спину. Шеф схватил длинный нож, точным, рассчитанным движением вонзил тонкое, узкое лезвие под левую ногу свиньи и резко рванул на себя.

Потом Машку палили до восковистой кори-

Ende März stürzte die kleine Brücke über der tiefen Schlucht ein, die das Erholungsheim von der Chaussee trennte. Gleichzeitig brach der Fluss auf und zerstörte den Weg übers Eis – die letzte Verbindung mit der Welt. Die Versorgung des Erholungsheims war abgeschnitten. Einige Tage behalf man sich mit Vorräten, aber dann gingen auch die zur Neige. In den Vorratskammern waren noch ein paar Konserven übrig, Zucker, Pflanzenöl und Trockengemüse. Da beschloss der Direktor Wassilij Petrowitsch, sein eigenes Schwein zu schlachten, um die Urlauber zu verpflegen.

Die Schlachtung übernahm der Chefkoch persönlich, ein älterer, baumstarker Mann, der schon an der Front Koch gewesen war, und Wassilij Petrowitsch half ihm. Die Sache erwies sich als nicht einfach. Riesig, schwerfällig, von den fetten, warmen Küchenabfällen auf zwölf Pud herangemästet, stieg Maschka in ihrem Verschlag wie ein Vogel in die Höhe, als die Schlachter über die Schwelle des Stalls traten. Sie ahnte offensichtlich, weshalb sie zu ihr kamen, obwohl der Chefkoch die Messer hinter seinem Rücken verbarg. Es kostete gewaltige Anstrengungen, sie zu Boden zu werfen. Wassilij Petrowitsch und der Chefkoch fielen bei dem Versuch, Maschka an den Beinen zu packen, immer wieder der Länge nach auf die schmutzigen Bodendielen. Aber das gewichtige, vor Verfettung fast blinde Schwein entwand sich mit einer aus der Todesangst geborenen Geschicklichkeit jedes Mal den zupackenden Händen und rannte laut quiekend in seinem Verschlag hin und her. Schließlich gelang es den Männern, Maschka auf den Rücken zu werfen. Der Chefkoch zückte das lange Messer, stieß die dünne, schmale Klinge mit präziser, genau berechneter Bewegung unter das linke Bein des Schweins und riss sie ruckartig zurück.

Dann sengten die Männer das Schwein, bis es eine wäch-

чневъ, сдирали шкуру, разделявали, вычёрпывали ложками тёмные загустья крови. Василий Петрович делал свою работу словно во сне. Ему не раз доводилось резать свиней, но сейчас это простое, житейское дело представилось ему жесточайшим насилием над тёплой, дышащей, незащищённой жизнью. Он не мог забыть отчаянной укоризны подслепых, янтарных, узких глазок Машки. Ни одна свинья, которую он резал на собственную потребу, не смотрела на него так...

Но дело было сделано. Отдыхающие съели Машку с тем же ровным аппетитом, с каким поглощали все другие блюда столовой. Василий Петрович и не рассчитывал на благодарность. Он находил какое-то горькое удовлетворение в том, что его самоотверженный поступок обречён на забвение. Но это оказалось не так. В глазах служащих дома отдыха, когда они глядели на директора, появилось нечто, чего не было раньше. Василий Петрович не сразу подметил, а подметив, не сразу разгадал этот слабый, но тёплый свет, который излучали глаза уборщиц, подавальщиц, сестёр и других работников. Есть своя печальная радость в непризнанности, но куда большим счастьем дарит человека, пусть молчаливое, одобрение окружающих. В походке круглого, плотного коротыша-директора появилось что-то летящее.

Лишь один человек не оценил скромного деяния Василия Петровича: уборщица подсобного корпуса Настя. В её чёрных, запавших глазах директор не улавливал знакомого согревающего лучика. А ему особенно дорого было бы её одобрение: с Настей директора связывали тонкие и сложные отношения...

sern braune Färbung annahm, zogen ihm die Haut ab, zerteilten es, schöpften mit Löffeln das gedickte Blut ab. Wassilij Petrowitsch tat seine Arbeit wie im Schlaf. Er hatte schon mehr als einmal Gelegenheit gehabt, Schweine zu schlachten, aber diesmal erschien ihm diese einfache, alltägliche Verrichtung wie eine grausame Gewalttat an einem warmen, atmenden, ungeschützten Leben. Er konnte den verzweifeltsten Vorwurf in den halbblinden bernsteinfarbenen schmalen Äuglein Maschkas nicht vergessen. Niemals hatte ihn ein Schwein, das er zu seinem eigenen Gebrauch geschlachtet hatte, so angesehen...

Aber das Werk war getan. Die Urlauber verspeisten Maschka mit demselben unverdrossenen Appetit, mit dem sie alle anderen Kantinengerichte gegessen hatten. Wassilij Petrowitsch rechnete auch nicht mit Dankbarkeit. Er fand eine Art bittere Befriedigung darin, dass seine selbstlose Tat dem Vergessen geweiht war. Doch es kam anders. In den Augen der Angestellten des Erholungsheims erschien, wenn sie den Direktor ansahen, ein Ausdruck, der vorher nicht dagewesen war. Wassilij Petrowitsch bemerkte es nicht gleich, und als er es bemerkte, konnte er dieses schwache warme Leuchten nicht gleich deuten, das aus den Augen der Putzfrauen, Serviererinnen, Schwestern und anderen Angestellten strahlte. Es liegt eine besondere traurige Freude darin, missachtet zu werden, aber weitaus mehr Glück schenkt einem die Zustimmung der Umwelt, auch die stillschweigende. Der Gang des rundlichen, stämmigen, etwas kurz geratenen Direktors bekam etwas Schwebendes.

Nur ein einziger Mensch würdigte das bescheidene Wirken Wassilij Petrowitschs nicht: die Putzfrau des Nebenflügels, Nastja. In ihren schwarzen, tiefliegenden Augen konnte der Direktor den vertrauten wärmenden Strahl nicht wahrnehmen. Dabei wäre ihm ihre Zustimmung besonders wertvoll gewesen: mit Nastja verbanden den Direktor feine und komplizierte Beziehungen...

Принимая хозяйство дома отдыха, Василий Петрович вместе с прежним директором обошёл все службы и уголья, все жилые помещения главного и подсобного корпусов. Когда с этим было покончено, прежний директор подвёл его к опрятному одноэтажному домику с застеклённой террасой.

– В этом флигеле. . .

Не договорив, он двинулся вперёд, отомкнул английский замок в обитой войлоком и клеёнкой двери и жёстком пригласил Василия Петровича последовать за ним. Они оказались в просторных, пахнущих сухим сосновым деревом сенях, откуда взгляду Василия Петровича открылась большая, столичного вида квартира из трёх просторных комнат, а справа, в прозоре двери тускло зелёно-сукно биллиарда.

В первой комнате – гостиной – на полированном дубовом столе стоял телевизор, вдоль стен – мягкие диваны, посреди – овальный стол, крытый тяжёлой бахромчатой скатертью, вокруг него грузные, словно свинцом налитые кресла, над столом посверкивала бледным, отражённым светом хрустальная люстра. Две двери, соединявшие гостиную с другими комнатами, позволяли видеть крахмальный холодок тугих подушек в спальне, уголок письменного стола и край ворсистого ковра в кабинете.

Василий Петрович молчал, подавленный этим великолепием.

– Наш неприкосновенный запас, – с игривой гордостью сказал прежний директор. – Держали на случай, если сам прибудет.

– Ну, сам-то едва ли сюда приедет. . . – пробормотал Василий Петрович с вымученной улыбкой. Он за всю свою долгую жизнь хозяйственника

Als er die Leitung des Erholungsheims übernahm, hatte Wassilij Petrowitsch zusammen mit dem früheren Direktor einen Rundgang durch alle Dienstgebäude und über das gesamte Gelände gemacht, durch alle Wohnblocks der Haupt- und Nebenflügel. Als sie damit fertig waren, hatte der frühere Direktor ihn zu einem adretten einstöckigen Häuschen mit verglaster Terrasse geführt.

« In diesem Flügel . . . »

Ohne zu Ende zu sprechen, ging er vor, öffnete das englische Schloss an der filz- und wachstuchbezogenen Tür und lud Wassilij Petrowitsch mit einer Handbewegung ein, ihm zu folgen. Sie kamen in eine geräumige, nach trockenem Kiefernholz duftende Diele, von der aus sich dem Blick Wassilij Petrowitschs eine große Wohnung städtischen Zuschnitts zeigte; sie bestand aus drei geräumigen Zimmern; rechts schimmerte durch die offene Tür das mattgrüne Tuch eines Billardtisches.

Im ersten Zimmer – dem Wohnzimmer – standen auf einem polierten Eichentisch ein Fernseher, an den Wänden gepolsterte Sofas, in der Mitte ein ovaler Tisch; auf dem Tisch lag eine schwere Decke mit Fransen, um ihn herum standen gewichtige Sessel, schwer, als wären sie mit Blei gefüllt, über dem Tisch glitzerte in blass widerscheinendem Licht ein kristallener Lüster. Zwei Türen, die das Wohnzimmer mit den beiden anderen Zimmern verbanden, erlaubten den Blick auf die gestärkte Kühle straffer Kissen im Schlafzimmer, auf eine Schreibtischecke und den Rand eines flauschigen Teppichs im Arbeitszimmer.

Wassilij Petrowitsch schwieg, erdrückt von dieser Pracht.

« Unsere eiserne Reserve », sagte der frühere Direktor mit schelmischem Stolz. « Wir halten sie bereit für den Fall, dass er selbst kommt. »

« Na, er selbst wird wohl kaum hierher kommen », brummte Wassilij Petrowitsch mit gequältem Lächeln. Er hatte es in seinem ganzen langen Leben als Wirtschafts-

не имёл дела с высшим начальством и потому не допускал подобной возможности.

– Это, знаете ли, бабушка надвое сказала, – заключил прежний директор тем же особым, неопределённо игривым тоном, какой появился у него, когда они переступили порог святилища. – Так что будьте начеку.

Совет проник в самое сердце Василия Петровича. Он и действительно всё время был начеку, чтобы приезд высокого гостя из министерства не застал его врасплох. Он закрепил за квартирой уборщицу подсобного корпуса Настю, которая обязана была ежедневно убирать необитаемые комнаты, мыть нехоженые полы, менять цветы в вазе, благоухающие впустую, чистить щёткой зелёное сукно биллиарда, ворс которого, казалось, начал отрастать, как запущенный газон. Впрочем, часть работ легла и на дворника Степана: он должен был скалывать лёд у крыльца, раскидывать навалы снега под окнами, держать наготове запасы берёзовых чурок, на случай если начальство захочет полюбоваться игрой пламени в камине.

Словом, было сделано всё для того, чтоб ненадолго нагрывавший гость почувствовал, с каким нетерпением его ждали, с какой заботой готовились к его приезду.

И всё же эти комнаты были источником постоянного внутреннего беспокойства Василия Петровича. Как хозяйственнику, ему трудно было примириться с тем, что пустует прекрасное помещение, без толку поглощая и средства и труд людей. Порой ему и по-человечески досаден становился запрет, довлёющий над этими комнатами. Он долго не мог забыть лица двух молодожёнов, приехавших в дом отдыха в

leiter noch nie mit der höchsten Obrigkeit zu tun gehabt und ließ deshalb eine solche Möglichkeit nicht gelten.

«Das, wissen Sie, wird die Zukunft zeigen», äußerte der frühere Direktor abschließend in demselben besonderen, spielerischen Tonfall, den er angeschlagen hatte, als sie die Schwelle des Heiligtums überschritten. «Seien Sie also auf der Hut.»

Der Rat drang Wassilij Petrowitsch direkt ins Herz. Tatsächlich war er nun die ganze Zeit auf der Hut, damit ihn die Ankunft des hohen Gastes aus dem Ministerium nicht überraschte. Er bestimmte die Putzfrau des Nebenflügels, Nastja, für die Wohnung, sie wurde verpflichtet, die unbewohnten Zimmer täglich sauberzumachen, die von niemandem betretenen Fußböden zu wischen, die Blumen in der Vase, die unnütz ihren Duft verströmten, zu wechseln, das grüne Tuch des Billardtisches, dessen Flausch zu wuchern schien wie ein verwilderter Rasen, mit einer Bürste zu reinigen. Im übrigen fiel ein Teil der Aufgaben dem Hausmeister Stepan zu: er musste das Eis von der Vortreppe hacken, die Schneehaufen unter den Fenstern auseinanderkehren, einen Vorrat von Birkenholzscheiten bereithalten, für den Fall, dass die Obrigkeit den Wunsch verspürte, sich am Spiel der Flamme im Kamin zu erfreuen.

Mit einem Wort, es wurde alles so hergerichtet, dass der unverhofft hereingeschneite Gast spüren sollte, mit welcher Ungeduld man ihn erwartet und mit welcher Sorgfalt man sich auf seine Ankunft vorbereitet hatte.

Dennoch waren diese Zimmer für Wassilij Petrowitsch eine Quelle ständiger innerer Unruhe. Für ihn als Wirtschaftsleiter war es schwer, sich damit abzufinden, dass die wunderschöne Wohnung leerstand und sinnlos Mittel und Arbeitskraft verschlang. Manchmal ärgerte er sich auch einfach als Mensch über das Verbot, das über diesen Räumen schwebte. Lange Zeit konnte er die Gesichter des jungverheirateten Paares nicht vergessen, das zur Zeit der schlimm-

самую тяжкую пору июльского перенаселения: их разместили по разным комнатам. Он едва не дрогнул в тот раз, представив себе, каким бы нескáзанным счастьем явилась для них отдельная квартира. Но он взял себя в руки, и молодые люди, обменявшись таким взглядом, будто расстаются на всю жизнь, разошлись по разным корпусам.

Не лучше чувствовал себя Василий Петрович и во время приезда знатного каменщика, некогда строившего этот дом отдыха. Каменщик приехал с женой и тремя неуёмными сыновьями; даже в спаренном номере старики не знали ни минуты покоя от буйной отваги своих сорванцов.

С огорчением слушал новый директор, как грохочут шары на разбитом общем биллиарде, в то время как в пустующей квартире без дела и смысла тоскует отличный стол; такое же скверное ощущение вызывали в нём прилипшие к окнам телевизионной комнаты девушки-подавальщицы – тесный просмотровый залik едва вмещал отдыхающих. Девушки толкались, ссорились, пытались уловить искажённое оконным стеклом изображение, а во флигеле вез толку пропадал отличный телевизор.

Всё это так угнетало Василия Петровича, что ему стало невозможно нести одному груз своих огорчений. Он стал делиться с уборщицей Настей: он был уверен, что эта молчаливая, замкнутая, с чёрными, запавшими глазами женщина никому не проговорится. Он рассказывал ей и про молодожёнов и про каменщика, но всякий раз в тёмных глазах Насти ему ясно виделось не сочувствие, а осуждение. От этого ему становилось ещё горше, и всё же он вновь и вновь жаловался ей на очередную задачу, в смутной надежде, что на этот раз она,

sten Überfüllung im Juli anreiste: man brachte sie in verschiedenen Zimmern unter. Beinahe wäre er weich geworden, als er sich vorstellte, welch unsagbares Glück für die beiden eine abgeschlossene Wohnung bedeuten würde. Aber er riss sich zusammen, und die jungen Leute, die einen Blick tauschten, als müssten sie sich fürs ganze Leben trennen, gingen auseinander, jeder in seinen Block.

Nicht besser fühlte Wassilij Petrowitsch sich bei der Ankunft des namhaften Maurers, der einst dieses Erholungsheim gebaut hatte. Der Maurer kam mit seiner Frau und drei ungebärdigen Söhnen; aber obwohl sie zwei Zimmer nebeneinander bekamen, hatten die beiden Alten keine Minute Ruhe vor der ungestümen Wildheit ihrer Rangen.

Mit Verdruss hörte der neue Direktor, wie die Billardkugeln auf dem schäbig gewordenen Gemeinschaftstisch polterten, während gleichzeitig in der leeren Wohnung ein wunderschöner Tisch ohne Sinn und Nutzen traurig herumstand; das gleiche unangenehme Gefühl riefen die Serviermädchen in ihm hervor, die sich am Fenster des Fernsehzimmers die Nasen plattdrückten – der enge Vorführraum fasste kaum die Urlauber. Die Mädchen schubsten und zankten sich bei dem Versuch, das von der Fensterscheibe verzerrte Bild zu sehen, und im Nebenflügel verkam sinnlos ein ausgezeichnete Fernseher.

Alles das deprimierte Wassilij Petrowitsch so sehr, dass er nicht die Kraft hatte, die Last seines Ungemachs allein zu tragen. Er vertraute sich der Putzfrau Nastja an: er war überzeugt, dass diese schweigsame verschlossene Frau mit den schwarzen tiefliegenden Augen niemandem etwas verraten würde. Er erzählte ihr von dem jungen Paar und von dem Maurer. Aber jedes Mal sah er in Nastjas dunklen Augen deutlich nicht Mitgefühl, sondern Missbilligung. Davon wurde ihm noch bitterer zumute, und trotzdem beklagte er sich bei ihr wieder und wieder über neue Ärgernisse, in der unklaren Hoffnung, dass sie ihn diesmal end-

наконѣц, поймѣт его. Но когда он убедился, что даже его жертвенный поступок, его маленький подвиг, не погасил колѣчего, укоризненного огонька в глубоком и слишком пристальном взгляде Насти, он понял, что должен в одиночку нести свой крест.

Василий Петрович не понимал Насти. Да и не просто было понять эту тихую, чуть глуховатую, затаенную женщину со странным, некрасивым и вместе притягательным лицом. Конечно, Настя была некрасива, но стоило кому-нибудь сказать: «А знаете, в ней что-то есть», как все готовы были согласиться с этим. Подсказка со стороны заставляла людей внезапно замечать скрѣтую, диковатую прелесть Насти. Трудно сказать, в чём была эта прелесть: то ли в застенчивом, очень юном, хотя Насте было далеко за тридцать, странно-глубоком и пронизательном взгляде её глаз, то ли в горделивой посадке головы, то ли ещё в чём. Этот второй образ Насти не был стойким, он быстро исчезал, оставляя по себе недоуменное чувство, и вновь возникала некрасивая, неопределённых лет женщина, с бледным, обветренным лицом и большими, натруженными руками. Много лет назад странное и непрѣчное очарование Насти привлекло молодого объѣздчика с конезавода, но началась война, и Настя из невест сразу попала во вдовы. Настя навсегда обиделась на жизнь, и если директору хотелось, чтобы его считали хорошим, то Настя больше всего опасалась, как бы её не заподозрили в добротѣ.

Она яростно охраняла свои права: производить уборку от девяти до десяти утра – ни минутой раньше, ни минутой позже; подавать горячую воду для бритья ровно в восемь тридцать; не стелить постелей – это положено делать самим отдыхающим.

lich verstehen werde. Aber als er sich davon überzeugete, dass sogar sein Opfer, seine kleine Heldentat das stechende, vorwurfsvolle Funkeln in dem tiefen und allzu aufmerksamen Blick Nastjas nicht löschen konnte, begriff er, dass er sein Kreuz ganz allein tragen musste.

Wassilij Petrowitsch verstand Nastja nicht. Es war auch nicht eben leicht, diese stille, ein wenig schwerhörige, verschlossene Frau mit dem seltsamen, unschönen und doch anziehenden Gesicht zu verstehen. Klar, Nastja war hässlich, aber es brauchte nur jemand zu sagen: «Wissen Sie, sie hat so was», und schon waren alle bereit, zuzustimmen. Eine hingeworfene Bemerkung veranlasste die Leute sogleich, die verborgene, wilde Anmut Nastjas zu entdecken. Es war schwer zu sagen, worin diese Anmut bestand: in dem schüchternen, sehr jungen – obwohl Nastja schon weit über dreißig war –, seltsam tiefen und durchdringenden Blick ihrer Augen oder in der stolzen Haltung des Kopfes oder in etwas anderem. Dieses zweite Bild Nastjas war nicht beständig, oft verschwand es schnell und hinterließ ein zwiespältiges Gefühl, und dann erschien von neuem die unschöne Frau unbestimmbaren Alters mit bleichem, wettergegerbtem Gesicht und großen abgearbeiteten Händen. Vor vielen Jahren hatte der seltsame, ungewisse Zauber Nastjas einen jungen Zureiter vom Pferdegestüt angezogen, aber dann brach der Krieg aus, und Nastja verschlug es von den Bräuten übergangslos zu den Witwen. Nastja war ein für allemal dem Leben böse, und während der Direktor wollte, dass man ihn für gut hielt, so fürchtete Nastja mehr als alles andere, man könne sie der Güte verdächtigen.

Sie verteidigte grimmig ihre Rechte: saubermachen von neun bis zehn Uhr morgens – nicht eine Minute früher, nicht eine Minute später; heißes Rasierwasser reichen – Punkt acht Uhr dreißig; kein Bettenmachen – das hatten die Urlauber selber zu erledigen. Jedem, der sich an diesen

Каждому, кто посягал на эти её права, она прямо бросала в лицо: «Не обязана!» Но как-то так получалось, что Настя стелила постели и носила горячую воду по три раза в день и делала множество иных не обязательных для неё дел. Она по-своему мстила за это, наотррез отказываясь брать те десятки и двадцатипятирублёвки, которые пытались навязать ей перед отъездом. У неё делалось при этом такое злое лицо, что отдыхающие, бормоча извинения, неловко прятали взмокшие в ладонях комочки денег.

Вся жизнь Насти пошла на иной лад, когда её назначили уборщицей в спецкорпус. Сначала она восприняла приказ директора как грубое посягательство на её права, и даже грозное слово *сам* не произвело на неё никакого впечатления. Но очарованная невиданным убранством комнат, она потеряла вдруг всякую охоту протестовать. А потом в этих комнатах сосредоточился весь смысл её существования.

Настя отдалась новой заботе со всей страстью своего нерастрáченного сердца. Постепенно в её сознании сложился удивительный, сказочный образ того, кто должен приехать и воцариться среди этого великолéпия. Она верила, что это необыкновенный, ни на кого не похожий человек, если ему оказывают столько заботы, если и незримый он заставляет ежедневно, ежечасно помнить о себе. И для Насти не было большей радости, чем заботиться о комнатах, которые должны были принять его. Но она не забросила и прежних обязанностей. С обычной своей неистребимой добросовестностью убирала она оба этажа подсобного корпуса: мела полы, опрастывала пепельницы, начищала до стеклянного блеска ванну и умывальники, меняла воду в графинах, перетряхивала коврики и даже, ворча про

Rechten vergreifen wollte, schleuderte sie rundheraus entgegen: «Das ist nicht meine Pflicht!» Aber irgendwie kam es doch immer so, dass Nastja die Betten machte und dreimal am Tag heißes Wasser brachte und eine Vielzahl anderer Dinge tat, zu denen sie nicht verpflichtet war. Sie rächte sich dafür auf ihre Weise: sie lehnte es strikt ab, die Zehn- und Fünfundzwanzigrubelscheine zu nehmen, die die Gäste ihr vor der Abreise zustecken wollten. Ihr Gesicht bekam dabei einen so bösen Ausdruck, dass die Urlauber, Entschuldigungen murmelnd, die in ihren Händen feucht gewordenen zerknüllten Scheine ungeschickt wieder wegsteckten.

Nastjas ganzes Leben nahm eine andere Wendung, als sie zur Putzfrau im Sonderflügel ernannt wurde. Zuerst fasste sie die Anordnung des Direktors als frechen Anschlag auf ihre Rechte auf, und selbst die drohenden Worte «er selbst» machten keinerlei Eindruck auf sie. Doch bezaubert von der nie gesehenen Pracht der Zimmer, verlor sie sogleich jegliche Lust zu protestieren. Und dann konzentrierte sich der ganze Sinn ihres Lebens auf diese Räumlichkeiten.

Nastja gab sich der neuen Aufgabe mit aller Kraft ihres unverbrauchten Herzens hin. Nach und nach entstand in ihrem Kopf das erstaunliche, märchenhafte Bild desjenigen, der da kommen und inmitten dieser Herrlichkeit regieren sollte. Sie glaubte, es müsse ein ungewöhnlicher, mit niemandem zu vergleichender Mensch sein, wenn man ihm so viel Aufmerksamkeit widme, wenn er sogar unsichtbar täglich und stündlich an sich erinnere. Es gab keine größere Freude für Nastja, als sich um die Räume zu kümmern, die ihn empfangen sollten. Sie vernachlässigte auch ihre früheren Pflichten nicht. Mit gewohnter unbeirrbarer Gewissenhaftigkeit putzte sie die beiden Etagen des Nebenflügels: sie wischte die Böden, leerte die Aschenbecher, schrubbte Wannen und Waschbecken spiegelblank, wechselte das Wasser in den Karaffen, klopfte die Teppiche aus und machte sogar, vor sich hin brummend, die Betten. Aber das alles

себя, стелила постели. Но всё это не затрагивало её сердца, всё это принадлежало будням, той жизни, котóрою мóжно бы́ло бы и не жить. Зато она жи-ла стра́стно, трéпетно и пóлно, когда óчередь дохо-дила до заветных покóев. Здесь её обы́чная рабóта становилась творчеством. Мóжно прóсто вы́мыть окно́, а мóжно сотворить чóдо: сде́лать его́ таким прозра́чным, сверка́ющим, со́лнечным, что оно́ слóвно втягивает в ко́мнату и синь не́ба, и белизну́ сне́га, и зéлень хво́и; исчеза́ют стéны, ко́мната стано́вится ча́стью простóра. Одно́ де́ло – навести́ в ко́мнате поря́док, друго́е – когда́ ве́щи нахо́дят в простра́нстве ко́мнаты своё́ еди́нственное ме́сто; поста́вить шкаф не пря́мо, а чуть на́искось, немно́го вы́двинуть телеви́зор, перенести́ цветы́ с ту́мбочек на се́редину ова́льного сто́ла – и всё вдруг стано́вится ины́м: вме́сто ску́дного поря́дка – красота́.

Почти́ ка́ждый день приносил На́сте ма́ленькую нахо́дку, и дире́ктор, проверя́вший вре́мя от вре́мени гото́вность нежи́лых покóев, чу́вствовал не́что, чему́ и сам не мог поды́скать назва́ния. Он не заме́чал пере́мен, всё как бу́дто остава́лось по-пре́жнему, но почему́-то вид э́тих ко́мнат ка́ждый раз да́рил его́ но́вой ра́достью и всё расту́щим ощу́ще-нием безопа́сности.

На́сте ка́залось ко́щунственным са́мое предпо-ложéние, что э́ти ко́мнаты мóжет заня́ть пёрвый по́павшийся, случа́йный челове́к. Колебáния дире́ктора оскорбля́ли её: никто́ не сме́ет пере-ступить поро́г э́того до́ма, крóме *самого́*...

Но проходи́ли дни, неде́ли, ме́сяцы – никто́ не приезжа́л. Мину́л год, бы́стро покати́лся вслед ему́ второ́й, а ко́мнаты по́пре́жнему остава́лись необита́емыми и холо́дными, и́бо их не согрева́ло прису́тствие челове́ка; по́пре́жнему сверкала́ ве́щи